

РОДСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ¹

Исаму ЯМАДА

Предлагаемая работа ставит основной задачей обосновать концепцию, согласно, которой при диахроническом рассмотрении лексической типологии языков существует возможность разрешить проблемы, касающиеся факторов изменения языкового типа. В работе А. Кибрика защищается мысль, что результаты сопоставления родственных языков могут быть не просто релевантны, но и очень важны для типологии. Кроме того, аргументируя его позицию, Е. В. Рахилина и И. А. Прокофьева объясняют, что это утверждение верно применительно к лексике и к такой специальной и малоизученной области типологии, как лексическая, или семантическая типология [А. Кибрик 1992; Рахилина, Прокофьева 2004].

До сих пор основной задачей типологии был поиск ответа на вопрос, как языки отличаются друг от друга. В свое время сравнение европейских языков с кавказскими позволило обнаружить существование разных принципов построения основы предложения, что ввело в рассмотрение параметр синтаксического типа языка.

Переводить художественный текст с одного родственного языка на другой нелегко в том случае, если переводчик не может распознать межъязыковые омонимы. В семантике лексемы расхождение языков происходит быстрее, чем во внешней ее форме.

Нам кажется, что мы совершенно понимаем текст, который написан на родственном языке. Однако это опасно в случаях

¹Мы хотели бы принести благодарность проф. А. Пстыге (Instytut Filologii Uniwersytetu Gdańskiego) и проф. Л. Килове (Великотърновски унив.) и всем, кто помогал нам проникнуть в семантику польских и болгарских глаголов.

межъязыковой омонимии, так как мы можем не различить разницу в лексемах и наделаем много ошибок.

Вначале источником материала для нашего исследования послужило стихотворение А. Мицкевича *Аккерманские степи* и его переводы на русский язык. Русские переводчики польского поэта Адама Мицкевича неоднократно сталкивались с трудностями, связанными с проявлениями межъязыковой омонимии в родственных языках.

«Лексическая типология утверждает повторяемость параметров, которые непосредственно не наблюдаемы, в отличие от звуков, грамматических показателей или синтаксических конструкций. В рамках проекта, осуществлявшегося в Варшавском университете в середине 90-х годов под руководством проф. Р. Гжегорчиковой, исследовалась семантика прилагательных размера и цвета в различных - в том числе нескольких славянских - языках ([Grzegorzczukowa 1997; Grzegorzczukowa, Waszakowa 2000])» [Рахилина, Прокофьева 2004]. В области лексической типологии, однако, сравнительно мало исследований, особенно в диахроническом плане.

В лингвистических исследованиях, касающихся типологии языков, говорилось о том, как ведут себя слова в определенном контексте. Так например, глаголы *видеть*, *слышать*, *знать*, *надеяться*, *нравиться*, *помнить*, *верить*, *сомневаться* и другие, относятся к классу глаголов непроизвольного действия и состояния, а не статичных (в рамках теории языков активного строя). [Климов 1977, стр.53]

П. Вяземский объяснял, что старался переводить как можно буквальнее, потому что хотел сделать возможно более близкий перевод и таким образом обратить внимание читателя на сходство польского языка с русским. Его перевод свидетельствует о том, что поэт, употребив деепричастие *вплывая* вместо личной

формы глагола (в оригинале wrłupałem), „добавил“ олицетворение, заменив им метафору, чего нет в оригинале [Грязнова 2006]. Здесь синтаксическая структура предложений в близкородственных языках становится различной.

Другие переводчики использовали личную форму глагола для того, чтобы сохранить первоначальный текст. С точки зрения русской грамматики, однако, в таком случае необходимо добавить личное местоимение и таким образом изменить синтаксическую конструкцию. При таком варианте перевода исключается неясность в языковом выражении фактов. Если обратиться к историческому развитию языков, можно убедиться, что на первоначальном этапе развития человеческих языков в глаголах активного типа различались личное окончание активного субъекта и неактивного.

Советский ученый Г. Климов, который занимался исследованием кавказских языков, пришел к выводу, что в отношении синтаксического строя естественных языков, кроме эргативной конструкции, кавказским языкам свойственна и конструкция активного типа. Эта конструкция была свойственна европейским языкам доисторических времен. Г. Климов считал, что структурная организация лексики зависит от того, «каким образом язык организует посредством своей структурно-семантической системы мир опыта, в котором живут его носители». [Климов 1977, стр. 184]

В основе нашей концепции о причине появления межъязыковых омонимов лежит именно такой подход к лексикологии. По словам Г. Климова, языки активного типа имеют, по крайней мере, следующие общие черты:

1. Имена существительные разделены на активные (одушевленные) и инактивные (неодушевленные).

2. Глаголы в них лексикализованы по признаку активности /статичности „действия“, а не транзитивности/интранзитивности.
3. Залог глаголов обычно действительный или страдательный в конструкциях номинативных языков и эргативный или антистрадательный в конструкциях эргативных языков. В активных языках есть противопоставление центробежной и нецентробежной версий. Формы первой обозначают распространение действия за пределы активного актанта, второй — его замкнутость в актанте. Чтобы лучше понять сущность этого противопоставления, его можно сравнить с функцией оппозиции активных и медиальных форм древнеиндоевропейского глагола.

С этой точки зрения рассмотрим фактор, определяющий структурную организацию лексики.

В нашей работе предлагается попытка сопоставительного исследования лексической семантики близкородственных славянских языков.

В художественном тексте мы встречаемся с словами, которые не могут реализовать семантико-стилистические совпадения полностью. Так, у польского слова *wóz* значения: *воз, повозка, телега*, а в тексте поэт А. Мицкевич использовал это слово метафорически. Слово *wóz* имело одно значение, „каре́та“, о чем свидетельствует современное польское существительное *wozownia*. [А. Грязнова 2006]

Даже во время активного языка требовалось при метафорическом употреблении лексически согласовать активное имя-подлежащее с активным глаголом-сказуемым. «Выделение в активных языках особого класса глаголов непроизвольного действия и состояния обуславливает функционирование в них еще

одной специфической конструкции предложения — „аффективной“. Ввиду обычной неразвитости парадигмы именного склонения в активных языках эта модель всегда представлена исключительно «глагольной» разновидностью, в которой спетсифика выражаемого содержания всецело передается словоформой соответствующего глагола. При этом в одних случаях в ней выявляется особый *аффективный* ряд личных глагольных аффиксов, в других по существу имеем дело со своего рода описательным способом образования. Примером первого типа могут послужить построения в языке ассинибойн ne wówari uasíka mn-uha „газеты, которые ты хочешь, у меня“ или ирокезского языка сенека aka-thuⁿ-te „я слышу“. Встречающееся в подобных конструкциях дополнение с той же долей условности можно квалифицировать как «аффективное». Примером описательного образования рассматриваемой модели предложения могут послужить фразы языка камаюра (семья тупи-гуарани) tíara ne-juká? „ты голоден?“ букв, „голод тебя - убивает?“ или tíara a-je-juká „я голоден“ букв, „голодом я убиваюсь“. Эти построения, несмотря на наличие в них активного глагола *juka* „убивать“, трудно трактовать как активные ввиду наличия в них метафоры, связывающей активный глагол с подлежащим, выраженным субстантивом инактивного класса.» [Климов 1977; стр. 120—121]

Ниже мы излагаем наши наблюдения над функциями отвлеченных имен, образованных от глаголов и прилагательных.

Слово *прыжки* является названием действий, а *новизна* — названием качества. С существительными их объединяет только морфологический признак, значит, способность склоняться и изменяться по падежам. Нам кажется, что они не могут считаться настоящими существительными, потому что эти существительные не имеют множественного числа.

Если мы не отличим имен действия и качества от предметных имен по семантике, подробно наблюдая их, есть опасение ограничить поведение, которое задается лексической функцией, имеющееся в абстрактных именах, образованных от глаголов и прилагательных. Продолжим наблюдения над семантическими функциями данных существительных: На днях взрывали лед на Неве, и от взрыва у всех домов полопались стекла на набережной. (Л. Андреев)

Принимая от оригинального глагола его значение, существительное *взрыв*, может быть, выступает как неопределенно-личный субъект действия, и оно является однократным, недлительным и общим названием действия. Это доказывается и единственным числом существительного „взрыв“ в прошедшей текстовой функции (взрыв длительным не бывает, если здесь идет речь о многократных, повторяющихся взрывах, правильнее было бы сказать „от взрывов“).

Приведем здесь и другие примеры из [Золотова 2005]:

- (1) Налетев со всех сторон, С криком в воздухе кружится Стая галок и ворон (Н. Некрасов): существительное „крик“ подсказывает действие птиц
- (2) И слышно в тишине лесной Лишь лай собак да коней ржанье (А. Пушкин): ономапопея „лай и ржанье“ указывает многократность действий „лаять и ржать“.
- (3) Лай собак показал, что карета проехала и деревню (Л. Толстой): в этом примере слово „лай“ намекает на воз и в конечном счете на осмысление „путешествие“.
- (4) Без труда не выловишь и рыбку из пруда (пословица): само слово „труд“ означает ужение(то, чтобы удить) и с

синтаксической точки зрения в этой конструкции находят мысль обобщенно-личного субъекта действия.

В языках с богатой морфологией и многоместной ранговой структурой слова обнаруживается, что ранг (номер позиции относительно корня) грамматической категории в словоформе задан в языке не произвольно, а предопределен устройством семантического представления словоформы. Например, во многих языках существительное имеет категории числа и падежа, Приведя пример в тувинском языке А. Кибрик указал, что легко заметить, что значение корневой морфемы наиболее тесно связано со значением числа (ср. пример 2.) но функция падежного значения — указать синтаксическую позицию данного имени в предложении. Грамматические значения семантически содержательных категорий представлены на семантическом уровне как единицы реальных лексем, в то время как синтаксические грамматические значения на семантическом уровне не представлены и появляются на этапах перехода к морфологическому представлению (ср. пример 4).

До сих пор имя существительное определяется как семантические, синтаксические или морфологические сущности, но при этом часто его семантическая трактовка очень затруднена или представляется невозможной. Думается, что это определено не морфологическими или синтаксическими факторами, а семантической природой его лексики (ср. пример 1) или в другом случае его актуальное значение проявляется скрыто (ср. пример 3).

На сохранении подлинных значений в вышеуказанных предложениях и держится понятие синтаксической синонимии, то есть возможность выбора средств выражения мысли, например: в третьем примере предложение „Лай собак показал, что карета проехала и деревню“ трансформируется как „Лаяли собаки, и

по этому признаку путники определили, что проехали деревню“. В этом случае мы считаем, что сохраняя глагольное значение, девербативная форма имеет роль „полупредикативную“.

И имена, производные от прилагательных, являются признаковыми словами, и в предложениях соответственно выполняют предикативные или полупредикативные роли. Приведем еще примеры, иллюстрирующие организующую роль девербативов в тексте. Возьмем, например, существительное *глупость*, образованное от прилагательного *глупый*. Глупость может быть и постоянным имперфективным признаком субъекта, его поведения, может быть и уже широко признанной оценкой какого-то поступка, например: „сказал глупость“ или „Но кто же в своей жизни не делал глупостей“ (М. Лермонтов). В последнем примере множественное число прибавляет значение повторное, речь идет об обобщающем высказывании.

Приведем цитату из Г. Климова, хотя она и длинная: «Присутывая к характеристике принципов структурной организации лексики в активных языках, прежде всего необходимо отметить два следующих обстоятельства общего порядка: во-первых, имя существительное и глагол в них лексикализованы как особые лексико-грамматические классы слов (что, естественно, не является их специфической чертой), во-вторых, имя прилагательное трудно в них признать вполне сформированным.

С несформированностью имени прилагательного в активных языках связаны две их характерные следующие черты. Во-первых, это фактически повсеместное атрибутивное употребление субстантивов с соответствующей ассоциативной семантикой. Ср., например, в языке тлингит: *dièt* „снег“ — „белый“, *tii* „лед“ — „твердый“, *ta* „камень“ — „каменный“ и др.; в языке тупи: *abá* „индеец“ — „индейский“ (*aba-nheenga* „индейский язык“ — „язык тупи“), *itá* „камень“ — „каменный“ (*ita-оса* „каменный

дом“), ппайита „глина“ „глиняный“ (nhaumb-оса „глиняный дом“) и др. (такая же картина засвидетельствована в других языках семьи тупи-гуарани). Во-вторых, это большая продуктивность различных именных аффиксов оценки, передающих величину реального референта — т. е. семантику „маленький“, „большой“. Иллюстрацией этого явления может послужить обилие аналогичных аффиксов в языках классного строя. Так, в языке ассинибойн имена обоих классов принимают деминутивный суффикс -на, -ре, присоединяемый непосредственно к основе слова: hokśína „маленький мальчик“ hokśí+na. waх-répeна „чайные листья“ waхré+pe (с неполной редупликацией основы в функции передачи идеи множества) -f-na. Засвидетельствованы его аналогии в представителях семьи тупи-гуарани.»

Вот пример, касающийся исключения неясности в языковом выражении. Точное воссоздание личной глагольной формы, сопровождающееся добавлением необходимого с точки зрения русской грамматики местоимения и изменения синтаксической конструкции помогает нам охватить факты в историческом развитии: на первоначальном этапе происхождения человеческих языков в глаголах активного типа различились личное окончание активного субъекта и неактивного.

В предлагаемой работе мы задались целью доказать рабочую гипотезу о том, что внешнее (звуковое) сходство многих русских и польских слов может стать причиной неточной, неполной или даже ошибочной передачи значений слов оригинала при переводе. Мы показали, что в тексте стихотворения А. Мицкевича слово „boz“ скорее всего использовано метафорически и в результате такое употребление слова способствовало расширению смысла слова. То же самое явление наблюдалось во времена активного языка: при метафорическом употреблении

активное имя-подлежащее лексически согласовывалось с активным глаголом-сказуемым. Выделение в активных языках особого класса глаголов непроизвольного действия и состояния обусловило функционирование в них еще одной специфической конструкции предложения - «аффективной». В защиту этого мы привели примеры из языка камаюра (tiaga a-je-juká „я голоден“ букв. „голодом я убиваюсь“). Эти построения, несмотря на наличие в них активного глагола juká „убивать“ в этом случае, трудно трактовать как активные ввиду наличия в них метафоры, связывающей активный глагол с подлежащим, выраженным субстантивом инактивного класса.

Традиционной задачей описания языка является выявление соответствия между языковыми формами и значениями, а именно формулирование таких правил, „какая форма имеет какое значение“. В принципе такое соответствие с точки зрения его внутренней (логической) природы является ненаправленным. В связи с этим встает вопрос: безразличен ли для лингвистического описания выбор направления: от формы или от значения. Г. Климов замечает, что в активных языках оппозиция активных и стативных глаголов по своему содержанию приближается к противопоставлению «одушевленных» и «неодушевленных» глаголов (например языков макросемьи на-дене и т. д.). Такие моменты лексикологического изменения превращают сущность языков, и данное качественное (т. е. смысловое) изменение может привести их к следующему этапу. Рассмотрение различных явлений этимологически родственных слов с точки зрения детального семантического анализа дает много интересных результатов. В качестве примера мы приведем исследование в области лексической семантики трех близкородственных славянских языков - русского, польского и болгарского.

Обратите внимание на глаголы со значением *вращение*.

(1) Наша планета вращается (*крутится/*вертится/*кружится) вокруг Солнца;

п. Ziemia krąży (*obraca się/*kręci się/*wierci się/*wiruje) wokół Słońca.

Данная пара по-разному строит семантическое поле *вращение* в каждом из языков. Они наполнены одинаковым смысловым содержанием, но глагол *вращаться* используется в русском языке, а глагол *krążyć* — в польском, хотя русский глагол *кружиться* соответствует польскому *obracać się*. Двуязычные словари совсем не объясняют их употребление. Надо исследовать и нормировать семантические параметры, задающие смысловое совпадение глаголов трех языков.

(2) В огромном машинном зале безмолвно ходили маслянистые поршни и крутилось страшное маховое колесо (Ю. Домбровский. Хранитель древностей);

б. В огромната машинна зала безмълвно се движеха буталата и се въртеше страшния маховик.

В случае явно целенаправленного и/или контролируемого движения *вертеться* практически исключено.

(3) Колесо вертелось долго (Ф. Достоевский. Игрок).

б. Колелото се въртеше дълго.

Здесь описывается инерционное движение.

(4)левой рукой Олеся быстро сучила белую, мягкую, как шелк, кудель, а в правой у нее с легким жужжанием крутилось (*вертелось) веретено, которое она то пускала падать почти до земли, то ловко подхватывала его и ко-

ротким движением пальцев опять заставляла вертеться
(А. Куприн. Олеся)

б. С лявата си ръка Олеся бързо сучеше бялата, мека като коприна къделя, а в дясната с леко жужене се въртеше вретеното, което тя ту пускаше почти до земята, ту ловко го подхващаше и с кратко/късо движение на пръстите пак го завърташе.

(5) < ... > винт крутится (*вертится) от встречного потока!
(В. Конецкий. Вчерашние заботы);

б. винтът се върти от насрещния поток.

(6) На траве-мураве целый день крутится (*вертится) поливалка (Д. Гранин. Месяц вверх ногами).

б. На зелената трева цял ден се въртеше пръскачката.

(7) И сам тоже вошел в сарай — крайне интересно стало: как инженер обнаружит, что колесо не крутится (В. Шукшин. Упорный).

б. И самият той влезе в бараката: много интересно му стана, как инженерът ще открие, че колелото не се върти.

Глагол *крутиться*, а не *вертеться* употребяется в русском контексте отрицания в значении „не работает“ — о действии устройства, предназначенного человеком для вращения.

(8) Вся труппа вышла на арену: по манежу бегал клоун, на огромных тумбах восседали львы, под потолком крутились (*вертелись) гимнасты.

б. Цялата труппа излезе на арената: по манежа тичаше клоун, на огромни подиуми седяха лъвове, под купола се въртяха гимнастици.

Несовместимость целенаправленности движения с семантикой *вертеться* видна и в примерах типа (8), с одушевленными субъектами.

(9) Скрипя пружинами, вертелся на койке Гвоздев [МАС].

б. Скърцайки пружините, на койката се въртеше Гвоздев.

Наоборот, в контекстах неконтролируемого движения, как в (9), предпочитается глагол *вертеться*. В ходе наших опросов немалое число опрошенных отвечает, что глагол *крутиться* — возможен в этом контексте.

(10) Герстнер уцепился за колесо перевернутой кибитки — колесо вертелось, и Герстнер судорожно перебирал спицы (В. Кунин. Чокнутые).

б. Герстнер се хвана за колелото на преобърнатата кибитка колелото се въртеше и Герстнер конвулсивно докосваше спиците.

Обычно колеса едущего транспорта крутятся, но не вертятся. См. пример (10).

(11) Смятый мотоцикл лежал на куче булыжника, заднее колесо его крутилось (Г. Бакланов. Был месяц май).

б. Смачканият мотоциклет лежеше върху купчина павеа, задното му колело се въртеше.

Впрочем, в такого рода контекстах возможно и *крутиться*, как в (11), но тогда описывается инерционное движение. Вращение малоуправляемого колеса игорного стола хорошо описывается глаголом *вертеться*, ср. (12) и пример: Крутилось колесо рулетки.

(12) Пока оно вертелось — а это длилось целую вечность — Коломбина шевелила губами: молила Бога, Судьбу, Смерть (уж и сама не знала, кого), чтобы мальчику не выпала роковая ячейка (Б. Акунин. Любовница Смерти).

б. Докато то се въртеше а това продължи цяла вечност Коломбина мърдаше устни: молеше Бога, Съдбата, Смъртта (вече и самата тя не знаеше кого), да не се падне на момчето фаталната килийка.

Составим таблицу для того, чтобы рассмотреть доминантное соотношение субъектов вращения и глаголов. Как видим, некоторые из субъектов вращения явным образом связаны с одним из глаголов:

	крутиться	вертеться	въртя се
колесо	+	+	+
карусель	+	+/-	+
флюгер	+	+	+
мотор	+	+/-	+
лопасти мельниц	+	-	+
руль	+	+/-	+
колесо обозрения	+	+/-	+

В болгарском языке обоим глаголам соответствует лишь один глагол — *въртя се*. Глагол *крутиться* выглядит в этой таблице глаголом более общей семантики, перекрывающим случаи употребления *вертеться*.

(13) Вдруг я услышал сзади меня, почти у головы моей, какой-то трескучий шелест; я обернулся и увидел, что гад всплозает по стене и уже наравне с моею головой, и касается

даже моих волос хвостом, который вертелся (??крутился) и извивался с чрезвычайной быстротой (Ф. Достоевский. Идиот);

- б. Изведнъж аз чух зад мен, почти до главата си, някакво шумолене; обърнах се и видях, че гадът пълзи по стената и е вече наравно с главата ми, даже докосва косата ми с опашката си, която се въртеше и извиваше с необикновена бързина.

Некоторые опрошенные признают возможность употребления *крутиться* в этом контексте.

- (14) И, чтобы сделать это желание более понятным, собака вытягивала передние лапы, клала на них боком голову, а зад ее потешно поднимался, и хвост вертелся, как ручка у шарманки (Л. Андреев. Петька на даче).
- б. И за да направи това желание по-понятно, кучето протягаше предните си лапи, слагаше на тях глава, а задницата му смешно се повдигаше и опашката му се въртеше като ръчка на латерна.

В (14) замена *крутился* на месте *вертелся*, это означало бы, что хвост действовал сам по себе, независимо от хозяина. Есть такая тенденция, но есть и некоторые примеры, где *крутиться* совпадает в значении с *вертеться*: Вдруг Сашка вскинул ружье и присел. Я глянул в сторону его взгляда и последовал его примеру. В конце поляны среди низкою кустарника встал он!!! Встал к нам задом. Над кустарником четко был виден короткий хвост и анальное отверстие, когда хвост крутился. Потом он развернулся к нам боком и глянул в нашу сторону. Все, на что я мог смотреть, так это на клыки!!! Белого цвета. Загнутые

почти в кольцо. Как у мамонта! Незадолго до этого я купил книгу по охотничьим трофеям. Там были описаны клыки кабана — рекордсмен/мира, общей длиной 25 сантиметров. Добыты были в 1939? году в Польше (кажется в Беловежской пуще, тогда принадлежавшей Польше).

Семантика неупорядоченного движения

(15) Рошин вертелся (*крутился) на извозчике, ища глазами Катю (А. Толстой. Хождение по мукам).

б. Рошин се обръщаше на всички страни във файтона, търсейки с очи Катя.

Человек ни характер, ни последовательность движений не контролирует, поэтому невозможна замена.

(16) Возле него (около него/рядом с ним/у него в кваршре) постоянно крутились (*вертелись) какие-то сомнительные личности (= сомнительные личности старались оказаться около выбранного ими человека)

б. Около него постоянно се въртяха някакви съмнителни личности.

Здесь возможно употребление *вертеться*, напр.; Понтелея часто видели в местном кафе «Радуга», где у него столика постоянно вертелись сомнительные личности синими от татуировок пальцами. (Сергей Зверев. Жиган)

Контексты неупорядоченного перемещения человека свойственны и глаголу *крутиться* и тогда локализация выбирается субъектом для определенной цели и здесь очень характерны

предлоги “смежности”: у, возле, около, часто вводящие в качестве ориентира имя лица (16) [Рахилина, Прокофьева 2004].

(17) С утра до вечера, бедняга, крутится (*вертится), а женка из-за стойки командует, да чай с вареньем дует без передышки (Вас. Андреев. Волки);

б. От сутрин до вечер бедният се върти (крак не подвива), а жена му иззад стойката командва и чай със сладко си пие без почивка.

В этом случае некоторые опрошенные признают возможность употребления

(18) Иной раз он вытаскивал его из кучи газет, быстро заглядывал в сводку футбольного чемпионата, — как там возлюбленное „Динамо“ крутится (*вертится), хлопал ладонью по краю стола то с досадой, то с удовольствием и тут же отбрасывал орган Госкомитета по физкультуре (В. Аксенов. Московская сага).

б. Понякога го измъкваше от купината вестници, набързо поглеждаше информацията за футболния шампионат — как е любимото му „Динамо“, удряше с длан края на масата ту с досада, ту с удоволствие и веднага захвърляше органа на Държавния комитет по физкултура.

Глагол *крутиться* означает, что 'успевать в ограниченное время делать много (разных) дел, преодолевая разнообразные препятствия', (17)—(18); эти контексты не свойственны *вертеться*.

(19) Множество мыслей вертелось (крутилось) у меня в голове (М. Булгаков. Театральный роман)

б. Много мисли се въртяха в главата ми.

(20) В тот день на языке вертелось (крутилось) дурацкое двустиише, которое я сам придумал (Ю. Трифонов. Предварительные итоги);

б. В този ден на езика ми се въртеше глупаво двустиише, което аз сам бях измислил.

(21) А я смотрю на чаек, и почему-то опять крутится (вертится) в голове Касабланка (В. Конецкий. Вчерашние заботы).

б. Гледам чая и кой знае защо в главата ми пак се върти Касабланка.

Глаголы *крутиться* и *вертеться* свободно заменяют один другой в таких контекстах, которые переносное значение беспорядочного движения метафорически применяется к неодушевленным субъектам.

(22) А “Каторга“ у них навроде большого света: там и товар краденый крутится (*вертится), и деньги немалые, и все бандюги авторитетные наведываются (В. Якунин. Смерть Ахиллеса).

б. В “Каторгата“ им е както в големя свят: там и крадената стока се върти, и доста пари, и всички авторитетни бандити се отбиват.

Здесь *крутиться* значит ‘многократно оборачиваться, принося большую прибыль’ и так что несмотря на неодушевленность субъекта, *вертится* в таких контекстах употребляться не может.

Но нам надо подобрать больше ситуаций, для которых была бы запрещена замена *вертеться* на *крутиться*.

Польские *kręcić się* — *wiercić się* на фоне русских *крутиться* — *вертеться*

Значение *wiercić się* гораздо уже его русского когната и соотносится только с одушевленными субъектами.

(23) Прошел час, второй, а он все еще не спал. Вертелся, переворачивался с боку, даже пробовал свернуться в клубок.

п. Minęła godzina, potem druga, a on ciągle nie spał. Wiercił się, przewracał z boku na bok, nawet próbował zwinąć się. (L. Kern. Ferdinand Wspaniały)

б. Мина час, два, а той все още не беше заспал. Въртеше озобръщаше се от едната страна на другата и даже се опитваше да се свие на кълбо.

(24) Пожалуйста, не вертитесь так, — сказал отец, — вы нас всех скинете в воду!

п. Niech pan się tak nie wierci — powiedział tata — powrzuca pan wszystkich do wody! [PWN].

б. Моля ви, не се въртете така, — каза бащата, — ще съборите всички ни във водата.

В болгарском языке нет противопоставления, поскольку, как уже было сказано выше, обоим русским глаголам соответствует один болгарский — *въртя се*

В словаре *kręcić się* и *wiercić się*, являются, по-видимому, полностью синонимичными. Но информанты в своих оценках предпочитают глагол *wiercić się*.

(25) Выигрывал тот участник, у которого юла крутилась/вертелась дольше всех — рассказывает директор музея.

п. Wygrywał ten uczestnik, któremu bąk kręcił się (*wiercił się) najdłużej — opowiada dyrektor muzeum [UG];

б. Побеждаваше участникът, чийто пумпал се въртеше най-дълго.

Глагол *крутиться* обязательно предполагает внутреннюю ось вращения, свойственную самому вращающемуся субъекту.

(26) Над нами с почетом, однако опасно покачиваясь, крутился/вертелся большой вентилятор.

п. Nad nami dostojnie bacz niebezpiecznie kołysząc się kręcił się (*wiercił się) wielki wentylator (K. Warga. Chłopaki nie płaczą).

б. Над нас с почит, но опасно разлюлян се въртеше голям вентилятор.

При польском *kręcić się*, допустимы такие субъекты, которые означают длинные гибкие объекты (например, дорога, волосы).

(27) В некоторых местах дорога вилась вдоль самого края поля.

п. Droga kręciła się miejscami samą krawędzią pól (K. Grochola. Nigdy w życiu).

б. На някои места пътят извиваше покрай самия край на полето.

Польский *kręcić się* обычно передается русским глаголом *виться*.

На основании всего изложенного мы пришли к выводу, что при диахроническом рассмотрении типологии языка есть возможность разрешить лексикологические проблемы о соотношении смысла и формы, возникающие на базе межъязыковой омонимии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [Грязнова 2006] — Грязнова А. Т. Легко ли переводить с близкородственного языка? // Русский язык в школе и дома. Вып. 6, М., 2006
- [Золотова 2005] — Золотова Г. А. О видо-временных значениях имен существительных // Филологические науки Вып. 5, М., 2005
- [Кибрик 1992] — Кибрик З. А. Лингвистические постулаты. // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое, и специфичное в языке). М., Изд-во МГУ, 1992.
- [Климов 1977] — Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., Изд-во «НАУКА», 1997.
- [Рахилина, Прокофьева 2004] — Рахилина Е. В., Прокофьева И. А., Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения. // ВЯ., №1, 2004.
- [Grzegorzczkova 1997] — Grzegorzczkova R. Projekt syntezy badań porównawczych w zakresie nazwwymiarów // B. Nilsson, E. Teodorowicz-Hellman (eds.) Nazwy barw i wymiarow — Colour and measure terms. Stockholm, 1997.
- [Grzegorzczkova, Waszakowa 2000] — Grzegorzczkova R., Waszakowa K., Studia z semantyki prorównawczej (nazwy barw, nazwy wymiarow, predykaty mentalne). Warszawa, 2000.